

философией. Тот, кто изучил метафизику, всегда будет говорить о точках и линиях в теологии». Помимо этого, вспомним «диких животных», на которых жало-

561

2. Возвращение литературы во Франции

вался Альберт Великий, и тогда мы согласимся с точным заключением П. Мандонне относительно общепринятой в схоластической философии линии поведения: «Поэтому люди из монастырей и теологи вообще будут сохранять решительную оппозицию и едва ли способны сложить оружие в течение столетия. Единственным исключением будет особая среда школ народных искусств, особенно в Париже, и философско-теологическая школа, основанная Альбертом Великим и Фомой Аквинским; то есть среда интенсивной рационалистической культуры займет явно благожелательную позицию, однако со значительными ограничениями для упомянутых здесь заведений и, может быть, для большинства других».

Столь активная в тот самый момент, когда новые теологические направления с триумфом побеждали в Париже, эта оппозиция не должна была разоружиться в течение XIV века. Вентурин из Бергамо, друг Таулера, писал одному доминиканцу из монастыря в Страсбурге: «Хлеб и вино — это теология; твой орден, пренебрегающий ею и без всякой пользы занимающийся философией, — это камень». Так же мыслил голландец Геррит Гроот (Groot, Gerardus Magnus, 1340— 1384); вспоминая Парижский университет, где он слушал Буридана и Орема, Гроот остерегался магистров искусств. Он был решительным сторонником старых преподавателей (*antiqui*) в противовес «*novi et moderni doctores*». Молодому человеку, спрашивавшему Гроота, стоит ли ему ехать учиться в Париж, он отвечал, что там этот человек рискует утратить веру и нравственность — и ради чего? Вообразите, что Парижский университет посетили Тит Ливий, Цицерон, Сенека или Плиний: поняли бы они латынь, на которой там говорят? Париж потерян для философии; оттуда по всему миру распространяются ереси, и зло достигло там таких размеров, что невозможно ожидать излечения от реформы, организованной внутри университета, — но только вне его. В духовных резолюциях Гроота легко увидеть, каким

духом вдохновлялся он сам: беречь веру Церкви во Христа, верить в Священное Писание в том виде, в котором его истолковали древние отцы, жить согласно Евангелию в целомудрии и бедности, не тратить свое время на геометрию, арифметику, риторику, диалектику, грамматику, поэзию и астрологию; короче говоря, избегать всех наук, помимо морали, к которой самые мудрые из древних, Сократ и Платон, по сути привели философию. И еще: не изучать никаких наук, приносящих прибыль, таких, как медицина, гражданское и каноническое право; учась, никогда не добиваться ученой степени в теологии («*item nunquam studetis ad capiendum gradum in theologia*»); знать, что корень нашего учения — это прежде всего Евангелие Христа и что это — зеркало нашей жизни, «*quia ibi est vita Christi*»*; затем изучать Жития отцов-пустынников, Послания Павла и других канонических апостолов и Деяния апостолов; потом — книги о набожности, такие, как «Беседы с самим собой» («*Soliloques*») Августина и различные трактаты св. Бернарда или представителей его школы; наконец, Ветхий Завет, причем его исторические книги нужно читать только после книг учительных. Короче, это типичный случай «*de reductione omnium ad vitam monasticam*»**, и если бы данная программа не благоприветствовала изучению классики, она была бы в высшей степени разрушительной для схоластической культуры, причиной ее изгнания и главным препятствием к ее возвращению.